

III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ

Н. Ю. Ульченко*

В поисках методологии современных экономических востоковедных исследований

Настоящая работа никоим образом не претендует на полноценное историографическое исследование, так как совершенно невозможно уместить аналитический обзор богатого наследия советской востоковедной экономической школы и весьма многочисленные и разнообразные накопления постсоветского периода в рамки одной статьи. Поэтому автор вынужденно и неизбежно использует выборочный подход, а работы, которые будут рассмотрены ниже, отобраны лишь в силу того, что они представляются более или менее репрезентативными примерами определенных исследовательских направлений. Сама статья представляет собой одну из немногочисленных предпринятых в последнее время и потому начальных попыток разобраться в вопросах методологии экономических востоковедных исследований. Дело в том, что после отмены «методологического диктата» советского периода выбор методологии, будучи оставленным на выбор исследователя, казалось бы, утратил былое значение, освободив пространство для использования и сосуществования в науке множества подходов. Но теперь, спустя определенное время, наступил момент для осмысления и систематизации полученных результатов и попытки оценить возможности и перспективы отдельных исследовательских направлений или их совместного применения.

В советский период важным методологическим императивом при исследовании экономической эволюции стран Востока являлась трактованная определенным образом теория формаций К. Маркса. Она основывается на выявленной и описанной им способности экономики к поэтапному движению и трансформации. Важнейший тезис марксистской политической экономии заключается в том, что производительные силы (или технологический базис) общества определяют его экономические, социальные и политические отношения (надстройку или институты): «...в каждую историческую эпоху преобладающий способ экономического производства и обмена и необходимо обуславливаемое им строение общества образуют основание, на котором зиждется политическая история этой

эпохи и история ее интеллектуального развития, основание, исходя из которого она только и может быть объяснена...»¹. Главный фактор трансформации, перехода к иной экономической модели — несоответствие производственных отношений и надстройки развивающимся производительным силам. На этом положении основывалось представление о всеобщих (непреложных) законах истории, задающих направление движения общества, равно как и убежденность в том, что более развитые страны демонстрирует менее развитым картину их будущего. Е. Т. Гайдар, размышляя о феномене популярности учения Маркса среди современников, писал: «Совокупность базовых тезисов марксизма, его претензия на обладание знанием законов истории вместе с преобразовательной нацеленностью историко-философской доктрины придают учению мессианский характер»². И действительно, предлагаемая марксизмом цельная концепция мироустройства, сообщаемое им ощущение познания законов его развития и прорисовка четкой картины будущего придают учению черты светской религии, наделяя его, по образному выражению Е. Т. Гайдара, «завораживающим обаянием»³.

К концу жизни К. Маркс стал более скептически относиться к непреложному характеру законов истории. Понимание нелинейности общественного развития, необходимости учета иных факторов, помимо экономических, которые оказывают влияние на формы общественной жизни, заставило вносить модификации в теорию общественных формаций. Дальнейшее научное развитие марксизма означало признание того, что часть исходных установок не соответствует долгосрочным трендам развития цивилизации, и предполагало пересмотр первоначальных идей.

Но принять все эти доводы во внимание значило решиться на существенную трансформацию исходной доктрины, ее усложнение, что ставило под вопрос статус «светской религии», который обаял, избегая сложности и многозначности, давать простые ответы на сложные вопросы. «Марксизм же как «светская религия», — писал Е. Т. Гайдар, —

* Ульченко Наталья Юрьевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

требовал сохранения неколебимости догматов, минимизации исключений, выпячивания «железных законов»⁴. К. Маркс оказался в ловушке. Сложилась парадоксальная ситуация: марксизм стал заложником интеллектуальной мощи работ своего основоположника, его политического успеха», — резюмировал Е. Т. Гайдар⁵. Под политическим успехом имеется в виду то, что доктрина Маркса благодаря своей внутренней непротиворечивости и простоте овладела массами, вокруг нее сформировались массовые партии, мировоззрения, судьбы множества людей. В итоге при сравнительно меньшем внимании общественной мысли к позднему коррективам Маркса, широкое распространение получили различные формы вульгаризации (дальнейшего упрощения) марксизма.

С одной стороны, вульгаризации подверглось само понятие производительных сил. С точки зрения Маркса первой производительной силой человечества являются не средства производства, а рабочий, трудящийся, работник, обладающий общими и профессиональными знаниями. Но в начале XX в. благодаря Г. В. Плеханову получил широкое распространение взгляд на орудия труда как определяющий момент производительных сил. С другой стороны, широкое распространение получила и упрощенная трактовка производственных отношений. К. Маркс, раскрывая их содержание, стремился показать качественное отличие производственных отношений как от технико-экономических, так и юридических отношений (отношений собственности). Если производственные отношения охватывают лишь отношения между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, то отношения собственности — более широкий круг отношений, включающий в том числе и те, которые не связаны непосредственно с экономическими отношениями. Но вместе с тем отношения собственности по Марксу раскрываются через систему производственных отношений, лишаясь статуса «независимого отношения, особой категории». Тем не менее, в 1930–1960-е гг. возобладало представление, сложившееся под влиянием «Краткого курса ВКП (б)» И. В. Сталина, о том, что собственность является основой производственных отношений или исходным и основным отношением экономической системы.

Что касается теории общественных формаций, то, согласно тому же краткому курсу истории, она трактовалась на основе пресловутой «пятичленки», по которой мир развивается, переходя последовательно от одной формации к другой, более высокой.

Выделение в марксизме как основного отношения собственности на средства производства и упрощенное толкование идеи последовательной смены формаций стало предпосылкой его сведения к экономическому детерминизму и «узкоклассовому подходу».

Следует подчеркнуть, что позже, к 1970–1980-м годам, сложилось более глубокое понимание мар-

ксизма: диалектика производительных сил и производственных отношений нашла отражение в так называемом законе соответствия производственных отношений характеру производительных сил, который предполагает не только зависимость производственных отношений от производительных сил, но и активное обратное воздействие производственных отношений на производительные силы, хотя сама формулировка закона сохраняет указание на доминирующую сторону в системе двустороннего взаимодействия.

Тем не менее, постулат о главенстве отношений собственности в системе производственных отношений, а значит, и при определении типа (формации) развития оказал существенное влияние и на методику экономических востоковедных исследований. Так, авторы работы «Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс» (ответственные редакторы и руководители авторского коллектива В. Л. Шейнис и А. Я. Эльянов, М., 1983 г.), разрабатывая проблему принципов и поиска критерия классификации развивающихся стран, писали: «На самом общем уровне в развивающемся мире можно выделить два класса стратегий, поскольку движение здесь осуществляется по двум путям социально-экономического развития: к социализму и капитализму. Соответственно направления формационного развития, закладываемые в стратегию, и теоретические основания, на которые она опирается, принципиально различны у двух групп развивающихся стран разной социальной ориентации. В первом случае это марксистско-ленинская концепция некапиталистического пути развития освободившихся стран, либо теории так называемых национальных социализмов... Во втором — различные варианты буржуазных экономических и социологических теорий роста и модернизации...»⁶.

Поэтому вполне логично, что один из основных предложенных к использованию методологических подходов к исследованию социально-экономической структуры в развивающихся странах предлагал исходить из соотношения государственного и частного секторов⁷ (государственной и частной собственности). Но при этом важная особенность данного подхода заключалась во внимании к развитию государственного сектора (системы государственной собственности. — Н. У.) не только в развивающихся странах социалистической ориентации, но и капиталистической в силу следующих двух обстоятельств. Первое заключалось в том, что экономические и социальные проблемы, которые стояли перед странами социалистической ориентации, особенно в начале их пути, были во многом сходны с проблемами, которые приходилось решать странам, вовлеченным в русло капиталистического развития. Поэтому государственный капитализм, который «функционально выражается как во всеобъемлющем регулировании экономики, так и в непосредственном предпринимательстве государства,

методологически возможно трактовать ... как доминирующую хозяйственную систему в освободившемся мире»⁸. Второе было связано с устойчивым убеждением в том, что при «очевидной общности стоящих перед этим миром (миром освободившихся стран. — Н. У.) первоочередных задач подъема государственный капитализм не имеет и объективно не может иметь в XX в. исключительно капиталистическую направленность, как это происходило на заре капитализма. И в этом заключается главная отличительная черта генезиса развивающихся государств в сравнении с раннебуржуазным Западом, когда капитализм «был еще нормальным, единственно возможным при данных условиях способом производства»⁹. Таким образом, допускалась возможность корректировки курса развития с последующим более широким использованием модели социалистической ориентации на базе госкапитализма. Подобная убежденность подкреплялась памятью о том, что в целях облегчения задач социалистического строительства в Советской России В. И. Ленин допускал на начальном этапе целесообразность использования госкапитализма именно как господствующей хозяйственной системы. Отсюда рождались надежды на то, что социально-классовая заданность феномена госкапитализма в развивающемся мире может оказаться различной, предопределяя общественно-экономическую направленность каждого конкретного общества и его типологию¹⁰. Поэтому развитие государственного предпринимательства в развивающихся странах не только подробно отслеживалось исследователями нашей страны, но и активно поощрялось, в том числе через непосредственное участие СССР в его росте и укреплении. «Расширению предпринимательской деятельности государства в развивающихся странах в сфере промышленности в немалой степени способствовали обострение борьбы двух социально-экономических систем, формирование социалистического содружества и усиление его экономической и научно-технической мощи. С середины 50-х годов социалистические страны приступили к оказанию экономического и научно-технического содействия развивающимся странам в целях укрепления их политического суверенитета и достижения экономической независимости. Поскольку практически вся помощь социалистических стран направлялась государственным организациям, она содействовала становлению и быстрому развитию государственного сектора в производственной сфере», — читаем у Г. К. Широкова¹¹.

Внимание к проблемам становления национальной промышленности и в условиях активного госпредпринимательства позволило достаточно подробно изучить теорию и практику импортзамещающего развития в освободившихся странах, которая как раз и предусматривала наряду с протекционистскими мерами повышение роли государства в мобилизации и использовании ресурсов с целью

создания предпосылок для расширенного воспроизводства на крупных предприятиях ключевых отраслей промышленности. Наиболее популярным импортзамещением было в период 1950–1960-х и уже меньше — 1970-х годов, когда развивающиеся страны стремились быстро решить задачу «доиндустриализации» — создания базовых отраслей промышленности. В отечественном востоковедении модель замещения импорта в противоположность колониальной, с ее нацеленностью на структурно ограниченный (монокультурный) экспорт, была признана наиболее эффективным средством стимулирования промышленного строительства, уменьшения зависимости от колебаний мирового рынка и повышения самообеспеченности народного хозяйства важнейшими видами промышленных изделий¹².

Вместе с тем политическая ангажированность марксистской теории формации, заключающаяся в том, что она «раскрывает не столько механизм поступательного движения рыночной экономики, сколько механизм ее ликвидации» и перехода от рынка («капитализма») к иной экономической модели («коммунизму»)»¹³, равно как и присущая ей трактовка историзма привела к появлению в отечественной науке концепций, впоследствии признанных «некорректными», например, концепции экономического дуализма. В русле формационного подхода «модернизация любой экономики отождествлялась с промышленным развитием на базе машинных технологий, экономящих живой труд, а значит — с увеличением капиталоемкости производства, ростом индивидуальной производительности труда. «...Модернизация экономик развивающихся стран виделась многим теоретикам и политикам как их прямая погоня за промышленно развитыми странами в усилиях создать у себя индустриальный сектор», — писал отечественный востоковед Ю. Г. Александров¹⁴. Но поскольку развивающиеся страны отличало изобилие трудовых ресурсов, сберегающие труд капиталоемкие машинные технологии рассматривались как антагонистичные местным социальным условиям: их внедрение делало трудовые ресурсы этих государств абсолютно избыточными. Таким образом, «дуализм» понимался как несовместимость в этих странах «современного» сектора экономики и оставшегося за его границами огромного массива «туземного» хозяйства. Отсюда следовал вывод «о глубоком и неразрешимом противоречии для самого капитализма как общественной системы в развивающихся странах»¹⁵. Происхождение теоретической парадигмы «экономического дуализма» Ю. Г. Александров связывает с убежденностью в неспособности капитализма завершить индустриальную модернизацию экономики развивающихся стран и, как логическое следствие, — с необходимостью постоянно усиливать вмешательство государства во все стороны жизни общества с перспективой выбора социалистически ориентированного пути развития¹⁶. Он справедли-

во рассматривает появление и широкое признание в отечественной науке того времени концепции «экономического дуализма» как убедительное доказательство привлекательности в научной среде идеи бесперспективности капитализма в «третьем мире».

«Жизнь однако опровергла сугубо пессимистические в отношении капитализма и многообещающие для идеологов социалистической ориентации развивающихся стран выводы концепции «экономического дуализма», — пишет далее Ю. Г. Александров. «Развивающиеся страны одна за другой отказывались от импортзамещающей индустриализации, с которой до того полностью отождествлялась модернизация их экономик, и открывались навстречу глобальному миру с его новыми постиндустриальными технологиями, формами организации экономической жизни и бурным прогрессом международного разделения труда... Ведущую роль на первой стадии модернизации сыграло при этом соединение изобильной местной рабочей силы с трудоемкими и вместе с тем высокопроизводительными технологиями, привнесенными туда транснациональными корпорациями или заимствованными у них», — пишет далее автор. Его же основной «антимарксистский вывод» состоит в следующем: «В целом те изменения, которые внесли развивающиеся страны в стратегию модернизации, в свою очередь, побудили мировое научное сообщество пересмотреть идеологию «догоняющей» модернизации как убежденность в том, будто у тех есть лишь один путь развития — ровно след в след за передовыми индустриальными государствами. Ее сменило представление о разнообразии ...возможных вариантов ускорения их развития в условиях глобализации мировой экономики»¹⁷.

С конца 1960-х гг. концепция импортзамещающей индустриализации и понимание государства как главного стимулятора развития стала подвергаться пересмотру. На Западе резко критиковалось чрезмерное государственное вмешательство в хозяйственные процессы, пренебрежение законами рынка, некомпетентность управления экономикой, просчеты в планировании, коррумпированность госаппарата, гипертрофированный протекционизм. Высказывалось мнение, что в ряде развивающихся стран государство уже заложило предпосылки капиталистического развития, создало инфраструктуру и обеспечило первоначальный толчок, поэтому теперь часть функций государства должен был принять на себя частный капитал. «Классовый смысл предлагавшейся западными теоретиками переориентации заключался в том, чтобы устранить препятствия для развития частнохозяйственных сил, расширить возможности роста капиталистических укладов», — комментировали начавшийся процесс переосмысления авторы книги «Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс»¹⁸. Г. К. Широков связал пересмотр парадигмы развития в развивающихся странах с подъемом

в 1970-е гг. волны неоконсерватизма на Западе, обусловленной как снижением эффективности его экономики, так и ростом транснационализации производства и интернационализации капитала. «Развивающимся странам либерализация оказалась фактически навязанной извне... В обстановке транснационализации, интернационализации и либерализации страны, глубоко втянутые в международное разделение труда, вынуждены были либо принять новые правила игры, либо быть вытолкнутыми из мирового хозяйства», — резюмировал он¹⁹. Но так или иначе, потеря концепцией импорзамещения актуальности, которая сопровождалась снижением роли государственного сектора на фоне все более масштабной его приватизации и общей экономической либерализации в странах Востока, и последовавшее крушение социализма существенно снизили востребованность экономических востоковедных исследований, концентрировавшихся на проблеме государственного регулирования, в первую очередь госпредпринимательства.

Тем не менее, если заслуга Маркса в области исследования механизмов экономического развития — «историзм, обнаружение способности развитой экономики к этапному движению в виде трансформаций»²⁰, то заслуга экономических востоковедных исследований того времени — применение этого метода для изучения трансформации развивающихся стран со всеми ее достижениями и заблуждениями.

Следует отметить и предпринимавшиеся в отечественном востоковедении советского периода попытки выхода за границы экономического детерминизма, утверждавшегося марксистско-ленинской доктриной. Так, в той же работе «Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс» читаем: «Цепочка, по которой исходящие из экономики импульсы направляются к иным сферам общественной жизни, в развивающихся странах проходит во многом иначе, чем в сложившемся буржуазном обществе. Наталкиваясь на устоявшиеся культурные стереотипы, клише массового сознания и т. п., эти импульсы, достигая тех или иных социальных структур, слабеют, искажаются и вызывают совсем не те результаты, которые можно было бы ожидать, опираясь на исторический опыт других народов. В ряду факторов, воздействующих на различные стороны общественного развития, экономические — в особенности взятые на коротких исторических отрезках — нередко оказываются здесь не самыми сильными. При таких условиях весь ход общественного (в том числе экономического) развития может определяться подчас весьма удаленными от производства социальными явлениями». Весьма смелый для того времени вывод его авторы примирили с марксистской доктриной посредством следующей оговорки: «Отмечая детерминирующую роль экономических факторов и экономических интересов в общеисторическом развитии, классики

марксизма вместе с тем неоднократно подчеркивали, что их определяющая роль в историческом процессе сказывается лишь в конечном счете»²¹.

Усиление либеральных тенденций в экономическом развитии стран Востока действительно можно считать проекцией на их социально-экономическую практику западного монетаризма с его настойчивым стремлением к замене государственного вмешательства в экономические процессы свободным рыночным механизмом. Тогда изменившийся характер развития экономики стран Востока, возможно, было бы правомерно попытаться исследовать, используя неоклассические подходы. Дополнительную привлекательность им на фоне разочарования в политэкономии марксизма-ленинизма способна была придать подчеркнутая «аполитичность» неоклассической экономической теории со свойственной ей концентрацией на изучении собственно механизма функционирования рыночного хозяйства.

На практике речь может идти об использовании для востоковедных экономических исследований методов современной экономической теории, представляющей собой развитие идей неоклассической школы. Понимание сути этих методов следует из определения предмета исследования. В соответствии с одним из них речь идет о науке, которая изучает то, как силы спроса и предложения влияют на распределение ограниченных ресурсов; она подразделяется на микроэкономику, которая изучает поведение фирм, потребителей и роль правительства, и макроэкономику, которая анализирует результаты функционирования национальной экономики в целом. Традиционными для макроэкономики являются такие вопросы, как формы и направления воздействия государства на экономическое развитие, модель экономического роста, кризис и факторы его преодоления. Поэтому в макроэкономике исследуются факторы, определяющие динамику национального дохода (темпы экономического роста), уровень безработицы и инфляции, состояние государственного бюджета и платежного баланса страны, финансовый сектор и специфику его взаимодействия с реальным.

Возможность и достаточность использования методов современной экономической теории для исследования хода развития стран Востока неоднократно и в разное время дискутировались и подвергались сомнению в отечественной и зарубежной востоковедной литературе. Еще в 1980 г. советские экономисты-востоковеды писали в связи с проблемой разработки *рациональных* (курсив Н. У.) стратегий роста для отдельных стран Востока: «...увлечение построением стратегий роста ... недостаточно учитывает... особенности современного состояния развивающихся стран. В большинстве таких «стратегий» опускается вопрос о движущих силах, способных их осуществить, или же в качестве такой силы представляется государство... Однако увеличение свободы принятия целенаправленных эко-

номических решений... нейтрализуется усилением зависимости государства от доминирующих экономических групп, все шире вовлекаемых в сферу государственного регулирования. Область фактически возможных стратегий роста оказывается поэтому несравненно уже... *Критерием оптимальной экономической стратегии служат в этих условиях не функции экономической рациональности...* (курсив Н. У.), а прозаические классовые и групповые интересы»²².

Тем не менее, постепенное расширение сферы деятельности рыночных отношений, частичное преодоление многоукладного характера экономики²³ существенно расширило возможности применения понятийного аппарата современной экономической теории к изучению развития стран Востока.

Так или иначе, использование методов современного экономического анализа способствовало появлению в отечественной науке целого ряда новых интересных и информативных работ по проблемам современного экономического развития стран Востока.

Один из примеров подобного рода работ отечественных востоковедов — книга Л. Ф. Пахомовой «Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия)». Автор анализирует общие принципы экономической политики и деятельность институтов, ответственных за ее реализацию, механизмы преодоления финансового кризиса 1998 г., особенности подходов к решению задачи информатизации общества и создания инновационной экономики, подготовки высококвалифицированных научно-технических кадров. По итогам исследования Л. Ф. Пахомова формулирует присущие четырем странам общие закономерности развития. Так, от политики импортзамещения, страны, каждая по-своему, переходили к ориентации на экспорт, что обеспечило упрочение их позиций на мировом рынке. Финансовый кризис 1997–1998 гг. обнаружил сильную зависимость этих стран от состояния экономики ведущих индустриальных стран мира и необходимость корректировки внешнеэкономической стратегии. Ее основные направления заключаются в усилении и ускорении интеграционных процессов в рамках АСЕАН, их распространении на сферу производственной и транспортной инфраструктуры, внедрения инноваций и привлечения иностранного капитала, в развитии внешних связей стран — членов Ассоциации, привлечении в состав ассоциации новых стран-членов.

В 2009 г. авторский коллектив, представляющий Институт востоковедения РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, выпустил в свет работу «Экономика Японии», предназначенную для студентов-экономистов, изучающих соответствующий курс (отв. редакторы И. П. Лебедева, И. Л. Тимонина). Как отмечалось во введении к учебному пособию, его структура

«позволяет наиболее полно раскрыть основные механизмы функционирования японской экономики на макро- и микроуровне»²⁴, то есть авторы преимущественно используют стандартные методологические подходы современной экономической теории.

Несмотря на то что в такого рода работах довольно подробно рассматривается ход экономического развития в той или иной стране Востока, их, скорее, отличает концентрация на вопросе: «Как происходило экономическое развитие?» и в меньшей мере — «Почему оно характеризовалось теми или иными особенностями?». Что касается «процветающих» экономик Юго-Восточной Азии, то, констатировав факт их успешного экономического развития, рассматриваемый методологический подход не позволяет исчерпывающе ответить на логично возникающий вопрос: «Почему одними из самых успешных среди развивающихся стран оказались именно эти страны?». Касательно Японии, по всей видимости, такого рода вопросом, остающимся без ответа в случае строгого ограничения анализа чисто экономическими аспектами, является вопрос, почему этой стране, которая уже давно относится к Первому миру (постиндустриальному. — *Н. У.*) по многим формальным показателям, не удалось окончательно переступить порог индустриального общества или иначе — почему при всех достигнутых успехах они постоянно вынуждены возвращаться к решению вопросов, более характерных для индустриальной стадии. «Более 20 лет они (Япония и Сингапур. — *Н. У.*) стоят на этом пороге (пороге постиндустриализма. — *Н. У.*), успешно применяя и по-своему усвершенствуя достижения постиндустриальных стран Запада, но сделать решающий шаг так и не могут», — пишет В.А. Красильщиков²⁵.

Авторы работы «Экономика Японии» также отмечают противоречие между высокими по международным стандартам формальными характеристиками уровня научно-технического потенциала страны и очевидными проблемами в его развитии: «Практически ни одна из базовых инноваций, определяющих современный жизненный уклад, не была разработана в Японии»²⁶. «...Научно-технический потенциал Японии сегодня вполне способен обеспечивать высокие социально-экономические параметры жизни японского общества. Однако, чтобы подобное положение сохранялось и в будущем, ... необходимо значительно усилить творческое начало в научной деятельности. Сознательный отказ от развития уникальных направлений, связанный с риском потерпеть неудачу, особенно если они не обещали выхода на массовое производство, формировал в исследователях и разработчиках прагматический тип мышления, ориентированный на непрерывные доработки и улучшения изделий и процессов. Эти приемы инновационного развития теперь освоены многими азиатскими странами, успешно конкурирующими с Японией», — заключают они²⁷.

Справедливости ради следует отметить, что, не ограничившись формальной констатацией сложностей в сфере научно-технического развития страны, авторы затронули проблему дефицита творческого начала, как препятствующего уверенной идентификации Японии в качестве постиндустриальной страны. Более определенно по поводу такого рода препятствий высказался В.А. Красильщиков, отметив, что Японии мешают, в частности, социокультурные традиции, включая недопустимость «возмущения спокойствия», беспрекословное подчинение старшим и начальникам, боязнь перечить авторитетам и т.п.²⁸ Для нас же наиболее важным аспектом в этом процессе поиска первопричин является понимание того факта, что анализ глубинных причин, препятствующих постиндустриальной трансформации Японии, очевидно, требует выхода за рамки строго экономического анализа.

Итак, можно согласиться с ограниченностью исследовательских возможностей методов неоклассической школы как анализирующих только существующую, уже сложившуюся рыночную экономику, игнорируя исторический и национальный контекст.

О границах возможного использования двух описанных выше методов исследования — марксистского и неоклассического — применительно к странам Востока — замечательно высказались авторы работы «Капитализм на Востоке», вышедшей в свет в 1995 г.: «...из лабиринтов споров о развитии азиатских (и не только азиатских) обществ, как колониальных, так и доколониальных, есть два выхода — один сложный, но истинный и два простых, но ложных. Простые, но ложные — это либо возвращение к простой, но теоретически несостоятельной и противоречащей фактам пятичленке, либо принятие нейтральных по отношению к теории эмпирических подходов (узкоэкономического, технологического, хронологического, количественных методов анализа). Однако эти «нейтральные» подходы объективно, независимо от воли их сторонников, в скрытой форме и круглым путем ведут к безжизненным теоретическим схемам. Истинный — творческая разработка теории... Но какой теории?»²⁹.

Очевидно, речь идет об использовании более широких подходов, которые изучали бы экономическое развитие стран Востока (и не только Востока) в контексте их экономической, а лучше — социально-экономической истории. Эту мысль авторы книги более определенно высказывают и в заключение: «В качестве современной «социальной дисциплины» советское востоковедение возникло как комплекс исследований развития капитализма на Востоке и его отношений с докапиталистическим укладом... Хотелось бы также, чтобы последняя книга советских востоковедов о капитализме (курсив авт.) и Востоке стала первой книгой в комплексе исследований «Восток и капитализм» — именно в такой последовательности, а не наоборот. Но для того, чтобы успешно двигаться по этому пути, необходима ме-

тодологическая революция — создание такой теории, которая не будет изучать некапиталистические и неевропейские общества на капиталистический и европейский лад, ... а создаст новый, более общий понятийный аппарат для изучения социальных явлений. Без этого нам не выйти за рамки просвещенческой парадигмы марксизма и либерализма...»³⁰.

Следует отметить, что осознание ограниченности познавательных возможностей классической теории, прежде всего, применительно к изучению общих закономерностей развития началось еще на рубеже XIX — XX вв., что нашло свое проявление в «бунте против формализма»³¹, то есть стремлении отразить в экономической теории не только формальные модели и логические схемы, но и живую реальную жизнь, специфические условия применения моделей. В итоге сложились предпосылки для развития институциональной, а в последующем — неинституциональной экономической теории.

«Старый» институционализм возник в конце XIX в. и оформился как течение в 1920–1930-х гг. Автор понятия «институционализм» Уилтон Гамильтон определял институт как «распространенный способ мышления или действия, запечатленный в привычках групп и обычаях народа»³².

В 1960–1970-е гг. в центре внимания исследователей оказались уже не обычаи, а социальные институты. В итоге произошло уточнение самого понятия института, который отныне понимался как «правила игры» в обществе или «созданные человеком» ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми, а также система мер, обеспечивающая их выполнение. Если раньше институты воспринимались как экзогенный (внешний) по отношению к экономике фактор, то впоследствии они стали анализироваться как часть единой структуры, в рамках и посредством которой выстраиваются отношения между людьми. Одновременно понятие было детализировано посредством выделения категории неформальных институтов — общественных условностей и этических кодексов поведения людей (обычаи, неписанные нормы) и категории формальных институтов — законов, писанных правил, созданных и поддерживаемых специально на то уполномоченными людьми (государственными чиновниками).

«...С точки зрения неоклассической теории, рынок — это единственный институт, который имеет серьезное значение, а потому от действия остальных институтов в экономическом анализе можно абстрагироваться. Для институциональной экономики, наоборот, характерно убеждение в том, что прочие институты также имеют большое значение, и пренебрежение ими препятствует правильному пониманию экономического поведения и функционирования хозяйства. Таким образом, основное различие между неоклассической и институциональной теориями заключается в охвате изучаемых ин-

ститутов: неоклассическая теория ограничивается изучением единственного института — рынка, тогда как институциональная экономика, помимо рынка изучает также и другие институты», — подчеркивал российский экономист А. С. Скоробогатов³³.

Новая трактовка «института» стала толчком для формирования нового институционализма (неоинституционализма). Определяя сущность различий между ранним (классическим) и современным институционализмом, российские экономисты Л. Евстигнеева и Р. Евстигнеев писали: «Кредо классического институционализма состояло в признании индивида во всей его исторической реальности основным элементом экономической системы. Современный институционализм «вводит в игру» и структурный субъект-институт. Предпосылкой такой существенной перемены послужило разграничение культурных факторов формирования институтов с тяготением к традиции, обычаю и правовым, социально-политическим факторам, предполагающих обратное активное воздействие государства и связанных с ним институтов на индивида»³⁴.

Заметим попутно, что, таким образом, в концепцию неоинституциональных подходов органично вписывается и марксистская традиция анализа экономической истории как прогрессивной эволюции производственных отношений, обусловленной развитием производительных сил. Один из представителей неоинституционализма Д. Норт писал: «Марксистская схема анализа дает наиболее сильное средство исследователям именно потому, что она включает те элементы, которые отсутствуют в неоклассической теории: институты, права собственности, идеологию»³⁵.

Следует отметить, что правомерность применения институциональных подходов для понимания особенностей развития национальных экономик, в том числе стран Востока, в настоящее время находит все более широкое признание среди отечественных специалистов. Так, например, И. Розмаинский убежден в исследовательских преимуществах разных школ современной гетеродоксии (совокупности концепций, отвергающих принцип оптимизации и равновесия, в первую очередь, относящихся к старому институционализму. — Н. У.), которые трактуют природу мира и человека реалистично: «хозяйствующие субъекты, сталкиваясь со сложным миром, характеризующимся необратимостью прошлого и неопределенностью будущего, допускают ошибки и принимают неверные решения, и, естественно, вследствие этого сам мир проще не становится. Представляется, что как раз гетеродоксальные концепции могут быть наилучшим образом приспособлены для исследования различных типов неравновесий и кризисов, происходящих в настоящее время как в развитых, так и в развивающихся странах, а также в странах с переходной экономикой»³⁶.

Целесообразность и необходимость учета институционального подхода при изучении неевро-

пейских стран подчеркивал Е.Т. Гайдар: «Начало современного экономического роста в Европе, вызовы догоняющего развития ставят перед элитами неевропейских стран сложную задачу: имитировать институты, у которых в неевропейских странах не было исторической традиции, формировавшейся в Европе на протяжении более двух тысячелетий. В этом сущность характерных для большинства стран догоняющей индустриализации проблем: слабости отечественного предпринимательского класса, недостаточных гарантий собственности, отсутствия стимулов к долгосрочным вложениям, коррупции в государственном аппарате, стремления перераспределять административную ренту. Все это способно на десятилетия парализовать экономическое развитие»³⁷.

Институциональные факторы во все возрастающей мере принимаются во внимание и отечественными востоковедами. Так у В.А. Мельянцева читаем: «Причины дифференциации успехов и неудач среди менее развитых стран... все еще недостаточно исследованы в литературе... Но коренятся, скорее всего, в институциональных, культурно-исторических и даже географических детерминантах. Речь идет, в частности, об отсутствии развитых форм государственности в доколониальный период, более низком уровне трудовой этики, и вообще невысоком месте упорного и креативного труда в сложившейся иерархии ценностей, специфике колониализма, в т.ч. преобладании разрушительных сил над созидательными»³⁸.

Российский экономист-востоковед Е.А. Брагина также подчеркивает «роль институций» для исследователей проблем экономической отсталости, связанный с осознанием того, что если в ныне передовых экономиках на ранних этапах становления государство поддерживало рыночные механизмы, сглаживало их колебания и даже провалы, то в ходе имитационного развития в развивающихся странах нет такой однозначности: заимствуемые демократические институты, новые формы социальных и политических отношений в обществе наталкиваются на открытое и скрытое сопротивление неформальных институтов³⁹.

Следует отметить, что понимание особых механизмов развития экономики в странах Востока имело место и в советский период, что нашло отражение в попытках разработки теории азиатского способа производства (АСП), впрочем, в основном не состоявшейся, так как «слишком много аналогий возникало при сравнении с советской действительностью»⁴⁰. Тем не менее, в «последней книге советских востоковедов о капитализме на Востоке», содержащей многие теоретические разработки, которые «просто не могли появиться в коммунистическое время в советской печати»⁴¹, предлагается весьма исчерпывающее и при этом явно переключаящееся с институциональными подходами определение «азиатского способа производства»: «АСП

есть такой строй, при котором реализация общества как субъекта по отношению к природе лишает возможности зафиксировать его в качестве субъекта по отношению к себе. Общество АСП — это общество одномерной, «природной», локальной субъектности... Поскольку субъект социально не фиксируется, а выносится за рамки общества, и отчуждение воли (личности), десубъектизация, носит здесь коллективный и «поголовный» (тотальный) характер, общество исчерпывается своими системными, формационными характеристиками»⁴². Вот почему призыв отечественного востоковеда А.М. Петрова использовать АСП для того, чтобы «объяснить присутствием какой-то части его субстанции, те ... странности, которые ныне происходят в восточных обществах, и не только происходят, но, судя по всему, не собираются исчезать, мешая развиваться даже НИСам Азии...»⁴³, звучит вполне актуально.

Но пока использование институционального подхода в отечественном востоковедении более фигурирует как императив, нежели как сложившаяся практика.

Вместе с тем целесообразность его применения для исследования специфики экономического развития развивающихся стран не предполагает абсолютизации ценности институционального подхода и не отменяет значимости исследовательских результатов, полученных на основе применения альтернативных методов. Тем более что институциональной теории присущи свои ограничения. Так, Е. Островская справедливо отмечает, что традиционный институционализм вызывает возражения, так как усматривает причину экономических изменений в воздействиях внешних факторов и сил, тем самым отрицая наличие у экономики собственного локомотива движения. «Здесь мы сталкиваемся, — пишет она, — со своеобразным «центризмом»: главным фактором экономической динамики видятся институты»⁴⁴. Поэтому можно согласиться с точкой зрения Е. Островской, которая, принимая во внимание достоинства и изъяны наиболее широко распространенных в экономической науке теоретических подходов, с одной стороны, признает невозможность использования какой-либо из названных парадигм и теорий в их целостности, а с другой — необходимость применения тех постулатов каждой из теорий, без которых невозможно построение базовой теории экономического развития, в качестве фундаментальных принципов анализа. Для этого Е. Островская предлагает объединение этих постулатов под одной научной «крышей», в рамках «синтетического» концепта, допускающего их сосуществование⁴⁵.

Таким образом, дальнейшее развитие отечественной школы экономических востоковедных исследований предполагает, во-первых, бережное обобщение и переосмысление богатого наследия советской эпохи, имея в виду отделение идеологических наслоений от попыток действительно глубокого,

зачастую опережавшего свое время постижения закономерностей и особенностей экономической эволюции стран Востока, которое основывалось на профессиональном знании соответствующих реалий и обработке значительных пластов редкого на тот период фактологического и статистического материала. Во-вторых, исходя из признания современной наукой существенных цивилизационных различий в понимании целей и путей развития странами Запада, мусульманского Востока, Южной и Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, изучение влияния национальной (цивилизационной) специфики на особенности экономической эволюции Востока в рамках институциональной теории может стать одним из эффективных методов интерпретации научных результатов, полученных экономистами-востоковедами в результате применения методов современного экономического анализа.

Примечания

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 367.
- ² Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005. С. 56.
- ³ Там же. С. 57.
- ⁴ Там же. С. 64.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. М., 1983. С. 248.
- ⁷ Там же. С. 89.
- ⁸ Экономика Индии. Общая характеристика (отв. редактор Г. К. Широков). М., 1980. С. 71.
- ⁹ Там же. С. 68.
- ¹⁰ Там же. С. 71.
- ¹¹ Широков Г. К. Развивающиеся страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1987. С. 31–32.
- ¹² Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. С. 260.
- ¹³ Островская Е. П. Анализ эволюции развитых стран: методология исследования // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 4. С. 29.
- ¹⁴ Александров Ю. Г. В погоне за ускоряющимся временем // Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М., 2011. С. 354–355.
- ¹⁵ Там же. С. 356.
- ¹⁶ Там же. С. 361.
- ¹⁷ Там же. С. 364.
- ¹⁸ Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. С. 268.
- ¹⁹ Широков Г. К. Парадоксы эволюции капитализма. М., 1998. С. 204.

- ²⁰ Островская Е. П. Анализ эволюции развитых стран... С. 26.
- ²¹ Развивающиеся страны... С. 298.
- ²² Экономика Индии: общая характеристика. М., 1980. С. 226.
- ²³ Например, известный отечественный турколог П. П. Моисеев, рассуждая о степени зрелости капитализма в Турции в начале 1980-х годов, использовал оценки «руководящих деятелей компартии Турции», которые писали: «Хотя до сих пор полностью не изжиты остатки докапиталистической формации, далеко не преодолена экономическая отсталость и все еще широко распространено простое товарное производство, у нас существует капитализм среднего уровня развития, появились национальные монополии, которые в партнерстве с транснациональными корпорациями увеличили свою роль в экономике и государстве». — Цит. по: «Капитализм на Востоке во второй половине XX в.», М., 1995. С. 460.
- ²⁴ Экономика Японии. Учебное пособие. М., 2008. С. 4.
- ²⁵ Красильщиков В. А. Догоняющее развитие: умозрительные конструкции и реалии / Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3. С. 113.
- ²⁶ Экономика Японии... С. 162.
- ²⁷ Там же. С. 167.
- ²⁸ Красильщиков В. А. Догоняющее развитие... С. 113.
- ²⁹ Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., 1995. С. 39.
- ³⁰ Там же. С. 598–599.
- ³¹ Термин, принадлежащий американскому экономисту Б. Селигмену, который он использовал для характеристики старого институционализма.
- ³² Цит. по: Нуреев Р. М. Эволюция институциональной теории и ее структура / Институциональная экономика (Под общей редакцией А. Олейника). М., 2005. С. 31.
- ³³ Скоробогатов С. А. Институциональная экономика. Курс лекций. СПб., 2006. С. 12.
- ³⁴ Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Проблема синтеза общеэкономической и институционально-эволюционной теорий / Вопросы экономики, 1998, № 8. С. 97.
- ³⁵ Цит. по: Гайдар Е. Долгое время... С. 78.
- ³⁶ Розмаинский И. О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории конца XIX — начала XXI века. С. 98.
- ³⁷ Гайдар Е. Т. Долгое время... С. 113.
- ³⁸ Мельянцева В. А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. М., 2009. С. 65.
- ³⁹ Брагина Е. А. Притяжение недостижимого / Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М., 2011. С. 398–399.
- ⁴⁰ См.: Петров А. М. Азиатский способ производства в XXI веке / Экономика развивающихся стран. Сборник статей памяти В. А. Яшкина. М., 2004. С. 257.
- ⁴¹ Капитализм на Востоке во второй половине XX в. С. 599.
- ⁴² Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., 1995. С. 84–85.
- ⁴³ Петров А. М. Азиатский способ производства и XXI век. С. 258.
- ⁴⁴ Островская Е. Анализ эволюции развитых стран: методология исследования... С. 29.
- ⁴⁵ Там же. С. 30–31.